

А. Н. Максимчик. Полемика вокруг присоединения Северного Кавказа к России в современной историографии. / Максимчик А. Н. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 /Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. — Мн.: БГУ, 2010. — С.253–261.

А. Н. МАКСИМЧИК

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ХАРАКТЕРА ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В настоящее время в российской историографии в проблеме формирования Российского многонационального государства значительное место отведено определению характера «собрания» его народов и территорий под единовластной рукой царей и императоров (Сибирь, Кавказ, Центральная Азия). Наиболее отчетливо это можно проследить в монографиях и статьях, посвященных присоединению северокавказских народов. Политическая ситуация, сложившаяся в 90-е гг. XX в., достаточно кардинально изменила, по сравнению с наследием советской исторической школы, векторы оценок и концепций.

Традиционно Кавказ представляет собой «испытательный полигон» целостности Российского государства. В. В. Путин, обращаясь к читателям журнала «Родина» (№ 1—2, 2000), сугубо посвященного российско-кавказским отношениям, подчеркнул, что «сегодня Кавказ занимает особое место. Сегодня в этом российском регионе проходят испытание на прочность базовые основы нашего конституционного строя».

Стремление сохранить целостность государства в его современных границах побуждает научную общественность к поиску исторической обоснованности и правомерности присутствия какого-либо этноса в его составе. Использование на новом методологическом уровне фактов и документов в современной российской исторической науке приводит к реанимированию концепций прошлого, служивших на благо скрепления дружеских отношений. Главной задачей является вычленение из огромного массива информации элементов добровольности присоединения к России, показа мирного характера взаимоотношений. Данное обстоятельство сталкивается с критикой местных, региональных историков в адрес ученых Москвы и Санкт-Петербурга. Они акцентируют внимание на значительном влиянии силового фактора и насильственных методах присоединения.

Четким классификатором противоречий, возникающих между исследователями «центра» и «региона» в раскрытии преимуществ и недостатков описания характера присоединения региона к России, являются элементы понятийного аппарата: «*подданство*», «*военно-политический союз*», «*добровольное вхождение*», «*российскость*» и «*присоединение*». При анализе данных дефиниций необходимо понимать, что любой термин состоит из структурных компонентов, скрепленных между собой: *государственно-идеологического, этноэмоционального и рационально-критического*, которые чаще всего не уравновешены между собой.

Значительное внимание в современной историографии уделяется смысловой нагрузке термина «*подданство*», поскольку в результате «историко-идеологических мутаций», происходивших в советской исторической науке, произошло его реальное замещение термином «*присоединение*», рассматриваемым как синоним. Усмотрев в данной дефиниции искусственно-принудительный характер, исследователи сочли необходимым уточнить ее смысловое наполнение. Исследователь В. В. Трепавлов отмечает: «...отношения подчинения и подданства русская сторона и ее партнеры зачастую воспринимали совершенно по-разному, и нужно учитывать различия во взглядах на присоединение к России и на статус пребывания в ее составе у русских властей и у присоединенных народов» [1, с. 155]. Этот тезис был озвучен

и дагестанским историком М. Г. Магомедовым. Опираясь на анализ источников, он отметил, что процесс принятия подданства в Дагестане начался с 80-х гг. XVIII в.: «Население рассматривало это как приобретение союзника в лице могущественной державы, не отягощающей их ни налогом, ни новым законодательством и порядком, ни постоем войск» [2, с. 167].

На примере российско-ингушского договора от 22 августа 1810 г., с уточнением некоторых существенных его причин, аналогичный вывод сделали исследователи М. К. Осмаев и Н. Ю. Алироев, которые настаивают на вынужденности принятия подданства: «...заклучение договора отдельными представителями шести «лучших» ингушских фамилий явилось результатом стремления подписавших акт членов фамилий, скопивших значительные материальные средства, установить — во имя спасения и сохранения собственности и накопленных богатств — смычку с утверждавшими свое владычество на Кавказе военно-феодальными колонизаторами и торговым капиталом» [3, с. 21].

Активизация изучения «по-новому» российско-чеченских отношений одним из результатов также имеет подобные выводы: «российские власти и горцы вкладывали разный смысл и содержание в соглашения о подданстве. Чеченцы и ингуши хотели видеть в присягах о подданстве России как бы гарантийные акты о добрососедских отношениях с русскими, о мирном существовании с ними» [4, с. 41].

Современные исследователи вновь обращаются к известным источникам, интерпретируя их содержание в русле утверждения новой парадигмы. Так, В. В. Трепавлов, раскрывая механизм и практику подписания документов, официально провозглашавших «подписчиков» подданными «белого царя», подчеркивает, что подданство, декларируемое на основании «шертных» договоров, следует сопровождать серьезными оговорками [1, с. 157].

Особый интерес заслуживают документы, найденные А. В. Бирюковым в архиве ¹, которые позволяют по-новому взглянуть на проблему принятия российского подданства населением Чечни. Автор пишет, что для водворения спокойствия в Чечне И. В. Гудович использовал подкуп местных старшин. «Старшина селения Эндирей Аджи-Реджеб <...> сообщал Гудовичу, что он объехал 20 чеченских селений и сумел уговорить их жителей перейти в русское подданство, за что они просят в общей сумме 2850 руб. Из отношения Гудовича к канцлеру Н. П. Румянцеву от 4 декабря 1807 г. видно, что деньги были выданы, после чего «старшины 12 деревень Большой и Малой Атаги и от деревни Гихи» от имени подвластного народа дали клятвенное обещание о вступлении в подданство России ². Аджи-Реджеб, а также старшина селения Шали Бийбулат Тайманов получили офицерские чины» [5, с. 53]. Особую ценность этому документу придает то обстоятельство, что 1807 г. в современных работах по истории российско-чеченских отношений является точкой отсчета в присоединении Чечни к России, т. е. «вступлении в подданство России». К такому выводу приходит российский историк Д. И. Олейников в статье «Большая Кавказская война» [6, с. 52], опубликованной двумя годами позже, чем исследование А. В. Бирюкова. Это обстоятельство позволяет более критично относиться к комплексу документов не только 1781 г., но и 1807 г. [7, с. 248—255; 258—262].

Подвергается в исторической науке переосмыслению термин «военно-политический союз». На примере российско-кабардинских отношений (сер. XVI—70-е гг. XVIII в.) его концептуальное видение разрабатывают Г. Х. Мамбетов, Б. К. Мальбахов и К. Ф. Дзамихов [8]. Они отмечают необходимость избегания прямого и буквального толкования смысла тех или иных документов, оформлявших российско-кабардинские отношения в современных политико

¹ Документы находятся в Архиве внешней политики Российской Империи МИД России (АВПРИ). Ф. 161, I—13, Оп. 10, Д. 2, Л. 125, 143—144; Д. 9, Л. 224б—229 об., 233—236.

² Делая ссылку на документ № 1154, помещенный в III томе Актов Кавказской Археографической комиссии (Тифлис, 1869), автор вместо стр. 673 ошибочно указал 671.

правовых терминах. Это приводит к «модернизации» характера документов. Если же идти от конкретно-исторических явлений и искать адекватные им понятия, то оказывается, что значение актов того периода для обеих сторон и реальная практика российско-кабардинских отношений больше соответствует понятию *военно-политического союза*, имевшего в основе договор о покровительстве 1557 г. и фиксировавшего в характерных для той эпохи формах (и формулах) феодального вассалитета [9, с. 122]. Использование указанного подхода нашло отражение в работах Т. С. Магомедовой [10] и Р. Х. Гугова [11].

Более конкретно обоснование концепции «военно-политического союза» дано в работе К. Ф. Дзамихова «Адыги: вехи истории» [12, с. 57—71], хотя впервые она была озвучена в 1989 г. на «круглом столе» в г. Звенигороде [13]. В монографии автор стремится доказать двух-этапность в развитии российско-адыгских отношений: первый этап — *военно-политический союз*, второй — *колониаторская политика*. На первом этапе Россия и Кабарда исходили из взаимовыгодных интересов во внешней политике. Отвергая концепцию «добровольного вхождения» Адыгеи, Черкесии и Кабарды в состав России в июле 1557 г., исследователь заявляет, что «... такая интерпретация является, на наш взгляд, односторонней и не отражает сути имевшихся в середине XVI в. событий. Здесь как раз мы имеем тот случай, когда авторы, раскрывавшие таким образом проблему, шли от термина к явлению, а не наоборот. Это привело к подмене понятия «покровительство со стороны России» совершенно другими — «присоединение или вхождение в состав этого государства» [12, с. 58].

Условность термина «военно-политический союз», применительно к первоначальной стадии российско-кавказских отношений, была отмечена В. В. Трепавловым, который указал на то, что «союз возможен между сопоставимыми по военному могуществу и экономическим ресурсам партнерами, а иерархический ранг российских монархов был намного выше статуса адыгских предводителей» [1, с. 158]. В свою очередь, региональные исследователи, аргументируя легитимность использования данного

термина, исходят из наличия государственности у народов Северо-Западного Кавказа в указанный период, что не всегда находит поддержку у других исследователей [14].

Новую и наиболее умеренную интерпретацию взаимоотношений Кабарды и России предлагает Б. М. Моков [15]. Расставляя акценты на российско-кабардинских отношениях, он подчеркивал, что концепции «добровольного вхождения в состав России» и «военно-политического союза» недостаточны для обобщенной оценки исторического характера кабардино-русских взаимоотношений в XVII в. «Плодотворным здесь представляется такой подход, который, во-первых, был бы нацелен на максимально полную реконструкцию и интерпретацию форм этого взаимодействия в терминах той исторической эпохи, а не современной политики; а во-вторых, учитывал бы, что ни одна из этих форм не приобрела в XVII в. окончательного характера; исторически необратимым оказался сам процесс кабардино-русского сближения, но он мог развиваться далее альтернативными путями» [15, с. 134]. В настоящее время исследователи, окончательно опровергнув применение термина «добровольное вхождение» и с учетом несовершенства термина «военно-политический союз», пытаются дать более точную формулировку характера двусторонних отношений в XVI—XVIII вв. Плодотворным в этом плане выглядит изучение российской канцелярской традиции XV—XVIII вв.

Со второй половины 1980-х гг. термин и концепция «добровольного вхождения» также претерпевают значительные изменения. С развалом СССР мощнейшая волна критики в ее адрес нарастала, был переосмыслен и сам процесс присоединения, который в работах конца XX — начала XXI в. уже стал охарактеризовываться как *завоевание*. Чеченские и ингушские историки сосредоточились над уже значительно девальвированной со времени перестройки концепцией В. Б. Виноградова [16]. Так, исследователь Ш. А. Гапуров подчеркивал: «...представляется, что ни российско-карабулакское соглашение 1762 г., ни российско-ингушский акт 1770 г., ни российско-чеченские документы 1781 г. не означали официального присоеди-

нения этих народов к империи. И Россия, и горская сторона заключали эти соглашения зачастую по тактическим соображениям» [4, с. 41]. Идеологический контекст формулы «добровольного вхождения» был также выявлен Ф. П. Боковым и В. А. Шнирельманом [17].

Переосмысливая терминологические стереотипы, исследователи М. К. Осмаев и Н. Ю. Алироев отметили, что «...после Отечественной войны 1812 года царизм приступает к планомерному завоеванию Восточного Кавказа», тем самым определив точку отсчета: присоединения группы северокавказских народов [18, с. 24]. А З. Х. Ибрагимова предложила максимально широко подойти к проблеме, одновременно утверждая «силовую» терминологию: «Чтобы объективно рассматривать эти сложные процессы (российско-чеченские отношения. — А. М.), необходимо дистанцироваться от центробежных (национальных) и центростремительных (имперских) научных течений и попытаться взглянуть на события глазами расширяющейся империи и вольного чеченского общества, впервые насильственно-принудительно вошедшего в новую для него государственную структуру» [19, с. 13].

Стремление сгладить «острые углы» в эволюции российско-чеченских отношений характерно для статей, публикуемых в журнале «Вопросы истории» [5; 20]. Красной нитью в статье З. М. Блиевой проходит идея взаимного непонимания и конфликта. По мнению историка, XVII в. можно назвать периодом прощупывания возможностей для налаживания социально-экономических и политических контактов, которые изначально носили противоречивый характер. Тем более что в российско-чеченских отношениях роль посредника выполняли властные кабардинские князья, интересы которых расходились с намерениями местных чеченских старшин. На пути к тесным российско-чеченским контактам серьезным препятствием стали и обострившиеся кабардино-вайнахские отношения. З. М. Блиева видит проблемность российско-чеченских отношений в «...стремлении сохранить в Чечне власть дагестанских и кабардинских владельцев. Россия, игравшая роль посредника, фактически способствовала консолидации чеченского общества против общих врагов» [20, с. 53].

Кизлярские переговоры января 1781 г. и их результаты, по мнению автора, явились переломным событием. Но уже с конца 70-х гг. XVIII в. Россия стала отходить от содействия насильственному подчинению чеченцев дагестанскими и кабардинскими владельцами к мирному урегулированию противостояния между чеченцами и соседними феодалами. В результате — чеченская сторона, как правило, заинтересованно откликалась на мирные переговоры [20, с. 54]. Таковым был и характер переговоров 1781 г. Однако З. М. Блиева заметила, что «...чеченские общества по-разному отнеслись к выдвинутым требованиям. Одни, желая получить землю на равнине, готовы были согласиться на любые условия, другие сомневались в необходимости присоединения к России. В среде чеченских обществ были и яростные противники присоединения: так, к ним относились общества из горной Чечни — «немирные» чеченцы» [20, с. 55]. В итоге автор отмечает, что занятие равнинных земель чеченцами автоматически свело к нулю идею о подданстве. «Поселившись на плоскогорной земле, чеченцы

усиливаются и потом отвергают заключенные с русскими условия» [20, с. 58]. Более того, постепенно в чеченских обществах формируется идея «исторической» исконности чеченской прародины на равнине Северного Кавказа. Авторские рассуждения обрываются на характеристике антироссийского восстания Ушурмы в 1785—1791 гг. Это говорит о том, что в заявленных хронологических рамках российско-чеченских отношений проблема взаимного непонимания и одностороннего эгоистичного интереса к партнеру не может быть решена.

Статья А. В. Бирюкова продолжает изучение вопроса, и выводы автора перекликаются с суждениями З. М. Блиевой. Однако вновь не определяется время присоединения Чечни к России, хотя утверждается, что это процесс, который хронологически можно соотнести с завершением Кавказской войны. Тем самым сделан вывод, что характер присоединения не был мирным и добровольным [5, с. 55].

Наиболее общий и взвешенный вывод эволюции российско-чеченских отношений прозвучал в выступлении Ш. А. Гапурова на Всероссийской научной конференции «Чеченская Республика и чеченцы: история и современность» (19—20 апреля 2005 г.). Отмечая, что население ряда районов Чечни уже с конца XVI — начала XVII в. придерживалось устойчивой пророссийской ориентации, историк подчеркивал, что «присоединение Чечни к России — многоэтапный и сложный процесс. Вряд ли справедливо будет говорить, что это произошло только в результате завоевательной деятельности России» [4, с. 46].

В 90-е гг. XX — начале XXI в. историки в оценках присоединения Дагестана как бы балансировали между утверждениями о добровольном или насильственном его характере. Например, исследователь Г. Ш. Гамзеева на защите своей кандидатской диссертации активно критиковала концепцию «добровольного вхождения», заявляя, что «...большая часть края в состав русского государства была включена силой оружия» [21, с. 24].

В курсе лекций по истории Дагестана [22] двусторонние отношения рассматриваются авторами с позиций российских интересов в регионе, и присоединение народов Дагестана к России характеризуется как «...один из этапов реализации ее восточной политики» [22, с. 178]. Активно авторы стали использовать и новую «перестроечную ментальность» исторической науки: повышенное внимание к соблюдению демократических принципов в двусторонних отношениях. Поэтому негативно оценивалось отсутствие юридически зафиксированной формы волеизъявления населения: мол, Гюлистанский мирный договор фактически был «заключен за спиной у народов Дагестана, без учета их интересов» [22, с. 188]. Так что статус присоединенного края первоначально носил номинальный характер: «Для полного же политического господства царизму необходимо было установить здесь свою колониальную администрацию и через нее обеспечить в крае господство экономическое» [22, с. 190].

Особо интересен первый том «Истории Дагестана» [23]. В его четвертом разделе «Дагестан в составе России» процесс присоединения рассмотрен как «объединение Дагестана и России». Отправной точкой «объединения» определено заключение 26 декабря 1802 г. в Георгиевске между владельцами Дагестана и правительством России «союза». «Политическое значение этого союза было достаточно велико: оно вытекало из внешнеполитического аспекта, на основе которого собственно он формировался. Договор в Георгиевске стал этапом в процессе присоединения Северо-Восточного Кавказа к России и консолидации сил в борьбе с иноземной агрессией» [23, с. 455]. Конечной датой окончательного поворота народов Дагестана в сторону северного соседа, по мнению авторов, явился 1812 г., так как «присоединением Казикумуха и Акуша-Дарго в 1812 г., по существу, завершилось объединение Дагестана и России» [23, с. 464]. Точку в объединении поставил Гюлистанский мирный договор, по которому «Иран признавал присоединенными к России < . > весь Дагестан., все владения и земли, находящиеся между Кавказской линией и новой границей между Ираном и Россией» [23, с. 467]. Здесь «объединение» территории служит уточняющим дополнением термина «присоединение», ибо «присоединение» — это политический акт включения территории мирным или военным путем в состав какого-либо государства, завершающийся установлением административной и государственной власти, а «объединение» — результат свободного волеизъявления населения, объединившегося на основе общности интересов. В отличие от курса лекций по истории Дагестана (Махачкала, 1992) в первом томе одноименного издания (М., 2004) использование термина «объединение» помогло авторам лавировать в дискуссии о существовании юридически зафиксированной формы волеизъявления населения.

Наиболее полную картину наличия альтернативных путей продвижения России на Северный Кавказ предлагает А. С.-А. Бабатыева, которая продемонстрировала существовавшие предложения как мирного, так и насильственного характера: на примере идей П. Д. Ци-цианова, А. П. Ермолова, Н. Н. Раевского, А. П. Тормасова, И. В. Гудовича [24]. Анализ докладных записок и проектов позволил автору сделать вывод: «...в зависимости от конкрет-

ной обстановки превалировали те или иные способы. Хотя основная цель у царизма в крае и была одна, его военное покорение, соотношение сил борющихся сторон — России, Ирана, Турции и горцев — определяло кратковременные задачи. Покорение Северного Кавказа было длительной кампанией упорного целенаправленного проникновения завоевателей, когда военные столкновения сменялись периодами долгого затишья, переговоров, торговли, в результате чего колонизаторам до поры удавалось скрыть свои планы» [24, с. 267].

На примере только представленных работ по истории российско-дагестанских отношений можно увидеть отсутствие единого подхода к решению данной проблемы. Во-первых, это различная интерпретация исторического факта (документа), в зависимости от мировоззренческого и методологического уровня исследователя, во-вторых — внеучное влияние, оказываемое на исследователя объективными и субъективными причинами и, в-третьих — оперирование терминами, не отражающими в полной мере внешнеполитическое многообразие российско-северокавказских контактов XVI—XIX вв. Термины «*вхождение*», «*покорение*» не являются полновесными и самодостаточными и представляют собой определенный этап кавказоведческой историографии [25, с. 42].

Изменив географию «*историографического маршрута*», следует представить монографию А. Х. Бижева [26], в которой автор отстаивает идею «*завоевания*» Россией территории адыгов. Он отмечает: «...интересы имперской политики, обозначившиеся при Петре I, <...> предопределяли необходимость захвата Кавказа, и в первую очередь покорения и подчинения Российской власти иноверных адыгов. < . > кабардинские земли, разделявшие относительно узкой полосой христианское население России и Закавказья, подверглись насильственной военной колонизации» [26, с. 5]. Солидарность этим взглядам выразили Э. Исмаилов, В. Па-пава: «Очередная фаза активизации интеграционных процессов на Кавказе произошла в конце XVIII в. в связи с экспансионистской политикой Российской империи, приведшей к длительной русско-кавказской войне, в которой малочисленные народы Северного Кавказа были вынуждены объединиться для совместной борьбы за независимость» [27, с. 11].

Умеренные оценки представлены в работе Р. Х. Гугова [11], рассмотревшего вопросы двусторонних связей Кабарды и Балкарии с Россией в торгово-экономической и культурной областях. Автор дает следующую оценку этих связей: «взаимоотношения между Россией и кабардинскими, а затем и другими северокавказскими владельцами, первоначально носившие характер союза и покровительства, со временем трансформировались и приняли форму протектората, и завершился этот длительный процесс включением края в состав Российской империи не без использования колониальных методов, силовых действий» [11, с. 682]. Показывая объективно положительную роль России в истории северокавказских народов, Р. Х. Гу-гов не упускает и другую деталь: «сказанное отнюдь не означает, что можно сбрасывать со счетов реалии истории, связанные с военно-феодальной экспансией российского царизма на Северный Кавказ и его жесткой колонизаторской политикой, проводившейся по отношению к горским народам, опираясь на местную феодальную знать» [11, с. 33].

К началу XXI в. кабардино-балкарская историческая наука заняла конструктивную позицию. В основу был положен явный русофильский компонент с изрядной долей советской традиции [28]. Балкарский историк А. М. Бегидов считает, что «...мирные договоры с Османской империей (1812) и Ираном (1813) юридически зафиксировали уже свершившиеся факты вхождения в состав России ханств и горских обществ Северного Кавказа» [29, с. 23]. Началом постепенного мирного вхождения Кабардино-Балкарии автор определил 1772 г., когда крымский хан признал Кабарду владением России, а логическим окончанием — 1864 г., поскольку «. в годы Кавказской войны Кабарда справедливо воспринималась русскими властями как наиболее дружественная по отношению к России область региона» [29, с. 30].

Здесь необходимо понимать, что наличие русофильского компонента не должно замещать общую картину двусторонних отношений. Таким примером могут послужить события

2007 г., когда на уровне Указов Президента России в стране праздновали 450-летие добровольного вхождения Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии в состав Российского государства. В отличие от 400-летнего юбилея (1957) большинство национальных историков выступило с критикой в адрес организаторов мероприятия. В ее основе были два момента: первый — акцентирование внимания на соотношении историографического осмысления и источника (добровольное вхождение или заключение военно-политического союза); второй — несоответствие современных территориальных границ субъектов Федерации с исторической действительностью (1557 г. — обращение к царю Ивану Грозному кабардинского (а не балкарского или карачаевского. — А. М.) князя Темрюка). 11 января 1827 г. балкарцы на имя командующего войсками Кавказской линии Г. А. Эммануэля подали прошение об их

вступлении в состав России. Аналогично неоднозначной выглядела ситуация вокруг празднования 200-летнего (1982) добровольного вхождения Чечено-Ингушской АССР [30].

В настоящее время активно продолжает исследовать российско-осетинские отношения М. М. Блиев [31]. Так, он еще в 1989 г. предложил термин «добровольное присоединение», который, по его мнению, включает в себя два этапа. Первый — осетинское посольство в Санкт-Петербурге (1749—1752) и заключение Кючук-Кайнарджийского мира (1774), — знаменующий собой «добровольность»; второй же — военные экспедиции генералов И. Н. Абха-зова и П. Я. Раненкампа (1830), оцениваемые историками как насильственная составляющая в общей формуле [32, с. 31—32]. Российско-осетинское сближение, а в конечном итоге и присоединение, в оценке В. В. Лапина, основывались на некоторых общих интересах: одна сторона получала защиту от агрессивных соседей, а другая — безопасность продвижения по дорогам, ведущим в Закавказье» [33, с. 23—24]. Это сближает выводы исследователя с позицией региональных историков о взаимовыгодном и равноправном союзе.

В конце XX в. появилось большое количество работ, которые базируются на принципах концепции «российскости», разрабатываемой кавказоведческой школой В. Б. Виноградова [34]. Один из главных постулатов данного направления заключается в отстаивании идеи о взаимовыгодном историческом партнерстве народов, входящих в состав России, в стремлении добиваться культурного сближения народов с разными ментальными особенностями и традициями. Вводя термин «российскость», историк не пытался заместить им концепцию «добровольного вхождения»: в его оценках они могут сопутствовать один одному. Можно предположить, что все же «российскость» — это альтернатива, существовавшей в СССР установки создания «советского народа», которая в современной России может объединить общим термином «россиянин» всех граждан государства вне зависимости от национальности.

Таким образом, полемика вокруг характера *присоединения* Северного Кавказа к России сводится к тому, что «федеральные» и «региональные» историки пытаются усилить в этом термине доминирование какого-либо структурного компонента: государственно-идеологического («добровольное вхождение», «российскость»), этноэмоционального («завоевание», «геноцид», «оккупация») или рационально-критического («военно-политический союз», «тоддан-ство», «протекторат»). Сам характер присоединения вычисляется путем суммирования трех слагаемых: *цель присоединения + используемые методы + оценка итогов присоединения*, а также общего видения истории двусторонних отношений с момента включения территории в состав империи, вплоть до событий недельной давности.

Спор должен уступить место диалогу, в котором взвешенный анализ понятийного аппарата позволит воссоздать целостную и правдивую картину российско-кавказских отношений. В этой связи согласимся с позицией, изложенной в статье «Национальная история в "тисках" терминов, дефиниций, парадигм»: «сегодня нет необходимости в научном экстремизме и даже в некоем новаторстве в подходах, но необходим взвешенный, точный анализ состояния имеющегося терминологического и понятийного аппарата, засоренного политическими установками прежних властей и уровнем мышления прошлого» [35, с. 229].

ЛИТЕРАТУРА

1. Трепавлов, В. В. «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность / В. В. Трепавлов // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 155—163.
2. Магомедов, М. Г. История аварцев / М. Г. Магомедов. Махачкала : Дагестан. гос. ун-т, 2005. 279 с.
3. Осмаев, М. К. История и культура вайнахов / М. К. Осмаев, Н. Ю. Алироев. М. : Академия, 2003. 381 с.
4. Гапуров, Ш. А. Актуальные проблемы истории Чечни в XVI—XIX веках / Ш. А. Гапуров // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всерос. науч. конф. Москва, 19—20 апр. 2005 / отв. ред-ры Х. И. Ибрагимов, В. А. Тишков. М. : Наука, 2006. С. 40—48.
5. Бирюков, А. В. Российско-чеченские отношения в XVIII — середине XIX века / А. В. Бирюков // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 44—57.
6. Олейников, Д. Большая Кавказская война / Д. Олейников // Родина. 2000. № 1—2. С. 50—55.
7. Документальная история образования многонационального государства Российского: в 4 кн. Кн. 1: Россия и Северный Кавказ в XVI—XIX веках / под общ. ред. Г. Л. Бондаревского, Г. Н. Колбая. М. : Норма: АО «Merissa trading and development» 1998. 723 с.
8. Дзамихов, К. Ф. Адыги: веки истории / К. Ф. Дзамихов. Нальчик : Эльбрус, 1994; Дзамихов, К. Ф. Некоторые исторические аспекты русско-адыгских взаимоотношений (сер. XVI — 60-е годы XIX в.) / К. Ф. Дзамихов // История и историки. М. : Наука, 1995. С. 137—141; Мальбахов, Б. К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова / Б. К. Мальбахов. Нальчик : Книга, 1998; Мальбахов, Б. К. Средневековая Кабарда. Внутренние и внешние аспекты истории / Б. К. Мальбахов, А. М. Эльмесов. Нальчик : Эльбрус, 1994; Мамбетов, Г. Х. 1557 год — присоединение или военно-политический союз? / Г. Х. Мамбетов // Сб. ст. молодых ученых и аспирантов. Майкоп, 1993. С. 5—24.
9. Дзамихов, К. Ф. Адыги и Россия. Формы исторического взаимодействия / К. Ф. Дзамихов. М. : Поматур, 2000. 286 с.

10. Магомедова, Т. С. Русско-чеченский военно-политический союз в конце XVI — в первой половине XVII века / Т. С. Магомедова // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всерос. науч. конф. Москва. 19—20 апр. 2005 / отв. ред-ры Х. И. Ибрагимов, В. А. Тишков. М.: Наука, 2006. С. 246—253.
11. Гугов, Р. Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией / Р. Х. Гугов. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 682 с.
12. Дзамихов, К. Ф. Адыги: веки истории / К. Ф. Дзамихов. Нальчик: Эльбрус, 1994. 168 с.
13. Дзамихов, К. Ф. Некоторые исторические аспекты русско-адыгских взаимоотношений (середина XVI — 60-е годы XIX в.) / К. Ф. Дзамихов // История и историки. М.: Наука, 1995. С. 137—141.
14. Виноградов, В. В. К проблеме особенностей служения горцев России в контексте существенных характеристик российско-северокавказского взаимодействия XVI — начала XIX в. / В. В. Виноградов // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: материалы заоч. науч.-практ. конф. [Электронный ресурс]. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. — Режим доступа: <http://www.slavakubani.ru/print.php?table=1&type=1&tid=171>. Дата доступа: 09.01.2010.
15. Моков, Б. М. Кабарда второй половины XVI — XVII в. / Б. М. Моков. Нальчик: Эльбрус, 2001. 142 с.
16. Виноградов, В. В. Акт 21 января 1781 года — важнейшее событие в процессе вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (архивные документы) / В. В. Виноградов, С. Ц. Умаров // Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI — начале XX в.: сб. статей / Чеч.-Инг. ин-т истории, социологии и филологии; редкол.: Н. П. Гриценко (отв. ред.) [и др.]. Грозный: Б. и., 1981. С. 104—113.
17. Боков, Ф. П. По поводу концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России: Теоретико-методологический аспект / Ф. П. Боков. Грозный: Чеч.-Инг. издат.-полиграф. объединение «Книга», 1990; Шнирельман, В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. / В. А. Шнирельман. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
18. Осмаев, М. К. История и культура вайнахов / М. К. Осмаев, Н. Ю. Алироев. М.: Академия, 2003. 381 с.
19. Ибрагимова, З. Х. Чеченская история. Политика. Экономика. Культура. Вторая половина XIX века / З. Х. Ибрагимова. М.: Евразия+, 2002. 447 с.
20. Блиева, З. М. Российско-чеченские отношения в XVII — середине XVIII века / З. М. Блиева // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 47—61.

1. Гамзеева, Г. Ш. Политические взаимоотношения феодальных владений Дагестана и России (конец XVIII в. — 1867 г.): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02 / Г. Ш. Гамзеева. Дагестан. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Махачкала, 1994. 25 с.
22. История Дагестана: курс лекций / М. Р. Гасанов, Г. Х. Ичкалов, А. А. Кандауров [и др.]; сост. М. Р. Гасанов. Махачкала: Дагучпедиз, 1992. 304 с.
23. История Дагестана с древнейших времен до наших дней / Ин-т истории, археологии и этнографии: в 2 т. Т. 1: История Дагестана с древнейших времен до XX века / отв. ред. А. И. Османов. М.: Наука, 2004. 626 с.
24. Бабатыева, А. С.-А. Российские политики и военные о методах присоединения Кавказа к России / А. С.-А. Бабатыева // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всерос. науч. конф. Москва. 19—20 апр. 2005. Отв. ред. Х. И. Ибрагимов, В. А. Тишков. М.: Наука, 2006. С. 262—268.
25. Максимчик, А. Н. Изучение процесса формирования многонационального российского государства (на примере Северного Кавказа) / А. Н. Максимчик // Крынгцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. сб. Вып. 5 / У. Н. Свядарцоў (адк. рэд.), С. М. Ходзьш (нам. адк. рэд.) [и др.]. Минск: БДУ, 2009. С. 38—44.
26. Бижев, А. Х. Адыги Северо-западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х — начале 30-х гг. XIX в. / А. Х. Бижев. Майкоп: Меоты, 1994. 327 с.
27. Исмаилов, Э. Центральный Кавказ: история, политика, экономика / Э. Исмаилов, В. Папава. М.: Мысль, 2007. 205 с.
28. Бегидов, А. М. Кабардино-Балкария: прошлое, настоящее, будущее / А. М. Бегидов. М.: Новый хронограф, 2003; Тебуев, Р. С. Очерки истории карачаево-балкарцев / Р. С. Тебуев, Р. Х. Хатуев. Ставрополь: Ставропольский гос. университет, 2002.
29. Бегидов, А. М. Кабардино-Балкария: прошлое, настоящее, будущее / А. М. Бегидов. М.: Новый хронограф, 2003. 158 с.
30. Цикоцкая, Н. И. Как это было. Штрихи к истории концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России / Н. И. Цикоцкая, В. В. Черноус // Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Общественные науки. 1990. № 2. С. 68—74.
31. Блиев, М. М. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в.: Учеб. для ст. кл. сред. шк. / М. М. Блиев, Р. С. Бзаров. Владикавказ: Ир, 2000; Блиев М. М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений / М. М. Блиев. М.: Европа, 2006.
32. История и историки: сб. ст. / Рос. АН, Отд-ние ист., Науч. совет по историографии и источниковедению, Ин-т рос. ист., Ин-т всеобщ. ист.; отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 1995. 443 с.
33. Лапин, В. В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу / В. В. Лапин. СПб.: Нестор-История, 2003. 78 с.
34. Виноградов, В. В. Российский Северный Кавказ: факты, события, люди: кн. регионоведческих статей, очерков и зарисовок / под ред. проф. С. Л. Дударева / В. В. Виноградов. М.; Армавир: Армавирское полиграфпредприятие, 2006; Виноградов, В. В. Российскость — основа русско-кавказского историко-культурного единства / В. В. Виноградов // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани: науч. тр. Вып. II. Армавир, 1995.
35. Яновский, О. А. Национальная история в «тисках» терминов, дефиниций, парадигм / О. А. Яновский // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 2 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред-ры) [и др.]. Минск: БГУ, 2007. С. 225—235.

SUMMARY

The article is about the problem of joining the Northern Caucasus to Russia. The author is particularly interested how this problem is seen in modern Russian historiography. It analyzes the essence, proper appreciation of the terms and definitions, contradictions between researchers of «the centre» and «the region» in defining pro and contra. It describes the character of joining of the region to Russia. The three elements are under discussion: the aim, the methods of playing foreign policy and the appreciation of the results. The author comes to

the following conclusion - the dispute about the character of joining of the Northern Caucasus to Russia in modern historiographical process responds not only to the character of bilateral relations. At the same time, the joining itself is formed unproportionally.

Статья поступила в редакцию 18 августа 2009 г